

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 148—154.
Economic and Social Research. 2023. No. 1 (37). P. 148—154.
Научная статья

УДК 1:316.77:004.5
doi: 10.24151/2409-1073-2023-1-148-154

Безопасность личности в интернет-пространстве: установление и защита новых границ конфиденциальности

Н. Н. Самохина

Нижевартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия

sgnt@nvsu.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема обнаружения границ и защиты частного пространства личности в сети Интернет. Обосновано суждение, что тотальное проникновение интернет-технологий в общественную жизнь и отношения усиливает влияние различных факторов риска на сферу конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни человека, что приводит к эволюции самой концепции приватности. Высказано суждение, что понимание эволюции сферы приватности в цифровом обществе имеет решающее значение для осмысления проблемы защиты личных границ человека. Показана необходимость поиска баланса между индивидуальным правом человека на приватность и общественным запросом на защиту этого права. Высказано предположение о возможной эффективности применения теории И. Альтмана, описывающей процесс установления границ конфиденциальности на уровне поведения индивида, для регулирования сферы защиты безопасности личности в интернет-пространстве.

Ключевые слова: интернет-пространство, цифровое общество, безопасность личности, конфиденциальность, приватность, персональные данные

Для цитирования: Самохина Н. Н. Безопасность личности в интернет-пространстве: установление и защита новых границ конфиденциальности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 148—154. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-148-154>

Original article

Personal security in the Internet space: establishing and protecting new boundaries of privacy

N. N. Samokhina

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

sgnt@nvsu.ru

© Самохина Н. Н.

Abstract. The problem of boundaries detecting and individual private space protecting in the Internet is considered. In this work, the judgment is substantiated that total penetration of Internet technologies into public life and relationships increases the impact of various risk factors on the sphere of confidentiality and privacy of a person, which leads to the evolution of the very concept of privacy. It is suggested that understanding the evolution of the sphere of privacy in a digital society is crucial for understanding the problem of protecting a person's personal boundaries. The necessity of finding a balance between the individual human right to privacy and the public demand for the protection of this right is shown. An assumption has been made about the possible effectiveness of the application of I. Altman's theory describing the process of establishing the boundaries of confidentiality at the level of individual behavior to regulate the sphere of personal security protection in the Internet space.

Keywords: Internet space, digital society, personal security, confidentiality, privacy, personal data

For citation: Samokhina N. N. "Personal Security in the Internet Space: Establishing and Protecting New Boundaries of Privacy". *Economic and Social Research* 1 (37) (2023): 148—154. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-148-154>

Введение

Цифровое пространство — источник новых возможностей для человека: благодаря открытым базам данных, сайтам крупнейших академических учреждений образования и науки и электронным библиотекам человек может погрузиться в мир новых знаний и технологий. Благодаря социальным сетям личность может самовыразиться, реализовать свой творческий потенциал, социальные запросы и притязания инновационными способами [1]. Всё это в совокупности создает человеку и человечеству базис для переосмысления и переоценки всей картины мира и своего места в процессе трансформаций социального бытия.

Однако и новые субъекты, и различные технические инновации (например, электронные сервисы органов государственной власти, подразумевающие необходимость хранения персональных данных пользователей услуг) изменяют экологию Интернета, среди прочего усиливая влияние различных факторов риска на сферу прав человека на приватность, конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни. Понимание этой стороны эволюции цифрового общества имеет решающее значение для осмысления того, каким образом социум должен

защищать личные границы человека и регулировать экологию цифрового пространства. Без такого понимания есть опасность, что регулирование не будет соответствовать адекватным целям, вокруг которых может быть найден социальный консенсус, и может принести больше вреда, чем пользы.

Постановка проблемы

Регулирование неприкосновенности частной жизни и обеспечение личной безопасности пользователя Интернета представляет собой сложную теоретическую проблему из-за наличия противоречия между индивидуалистической — либеральной — интерпретацией прав человека на неприкосновенность частной жизни и общественными интересами в отношении границ ее неприкосновенности. Например, приоритет индивидуального права на неприкосновенность частной жизни может уступать место общественной необходимости в тех обстоятельствах, когда есть обоснованные подозрения в совершении преступления. Возможность такого рода ограничения личных прав особым образом оговаривается в статье 8 Европейской конвенции о правах человека (см.: [2]). Тем не менее за последнее десятилетие общество постепенно стало всё

в большей степени признавать взаимосвязь и, соответственно, необходимость поиска баланса между индивидуальными частными правами и социальным запросом (интересом) на защиту этих индивидуальных прав людей, антропная сущность которых растворена и в значительной степени дегуманизирована (конвертирована в безличные и холодные «данные») и незащищена в цифровом космосе.

Трансформация личных интересов в общественные происходила не одномоментно. Первым этапом этого процесса стало постепенное осмысление общественностью нового статуса данных: представление о персональных данных как о своего рода коммерческом золоте. Гигантский потенциал коммерческого использования сведений о людях и их частной жизни в значительной степени обусловил сдвиг общественного мнения разных стран в сторону признания того, что обеспечение защиты персональных (личных) данных — один из критериев достижения коллективного общественного блага, и пересмотра того, как можно защитить этот аспект конфиденциальности. Вместе с тем сами границы конфиденциальности в цифровом пространстве, как и в остальной части социальной архитектуры, сдвинулись перед натиском технических возможностей и отношений, которые устанавливаются между этими техническими возможностями, и действиями тех, кто выступает основными бенефициарами их использования.

Кроме того, с распространением пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и по мере того, как пандемия шла победным маршем от страны к стране, границы конфиденциальности в каждой стране обновлялись в сторону беспрецедентного сужения, активизировались и пересматривались практически в ежедневном режиме. Сама концепция неприкосновенности частной жизни и приватного пространства была поставлена под сомнение попытками государств внедрить методы отслеживания поведения своего населения в целях охраны общественного здоровья. Более того, отношения между людьми оказались под

угрозой, поскольку карантинные ограничения переместили общение в реальном мире в онлайн-пространство и создали новые возможности для недружественного цифрового вторжения в частную жизнь.

Поскольку диапазон проблем, которые могут рассматриваться как повод для беспокойства людей в отношении защиты безопасности их конфиденциальности, чрезвычайно широк, целесообразно сосредоточиться на проблеме самой границы частной жизни, которая подлежит общественному регулированию, государственной (общественной) защите, и методах, которые должны для этого использоваться.

Эволюция границ конфиденциальности и теория поведенческих механизмов как основание для их установления

При рассмотрении такого вопроса, как объем права на неприкосновенность частной жизни, легко остаться в границах стереотипов, в частности англосаксонского общего права, особенно принимая во внимание тенденцию к их укоренению в глобальных практиках защиты персональных данных. Например, Общий регламент ЕС иллюстрирует, каким образом локальные трактовки сущности и объема личных прав и общественных обязанностей в сфере конфиденциальности распространяются на пространстве различных континентов с опорой на презумпцию «общечеловеческих представлений о границах приватности».

Однако трудность определения новых границ частной жизни в том, что таких общих для всех границ не существует. Даже если не затрагивать проблему культурных стереотипов, действия отдельных лиц и организаций свидетельствуют о возможности свести на нет прилагаемые обществом усилия. В частности, мошенники взламывают серверы, публикуют скопированные откуда персональные данные; многие граждане добровольно делятся своими персональными данными и раскрывают в Интернете интимные подробности своей жизни. Действительно, в определенном смысле, если мы хотим использовать возможности,

предлагаемые сетевым миром (а растущая популярность Интернета показывает, что мы это делаем), то фактической ценой этого, по-видимому, становится отчуждение и дегуманизация части пространства человеческой конфиденциальности. Однако, на наш взгляд, следует критически подойти к такому положению вещей и задаться вопросами о том, в какой степени люди понимают последствия своих действий в интернет-пространстве и согласны ли они с тем, какая личная информация и как именно может быть использована в интересах других людей, общества или государства.

Чтобы ответить на такие вопросы, рассмотрим, как устанавливаются границы конфиденциальности.

При определении границ конфиденциальности в цифровом пространстве необходимо учитывать три аспекта: рассмотреть, во-первых, границы, которые установлены *действующими нормами права*; во-вторых, те границы, которые еще не были, но *должны быть признаны* обществом и государством и кодифицированы через правовое регулирование; в третьих, те рамки защищенной личной информации, которые уже сегодня *могут быть установлены и реализуются* в офлайн-взаимоотношениях людей или посредством использования технических средств онлайн-защиты (таких как защитное программное обеспечение), а также на уровне взаимодействия *человек — компьютер* (например, отказ от приема файлов cookie). Те из них, которые реализованы на практике, имеют решающее значение, поскольку они эффективно определяют фактический уровень конфиденциальности отдельных лиц, не зависящий от объема декларированных прав. В этом отношении нельзя не согласиться с Дж. Нитлингом: «Идея “частной жизни” определяется не правовыми принципами, а самой ее фактической, воплощенной в реальной жизни, природой» [4, с. 18—19]. Действительно, фактические границы конфиденциальности личности таковы, что их юридическое признание и кодификация в нормах права будут лишь частично отражать ожидания части

людей, и проблема самой возможности когда-либо отразить фактические границы личного и публичного в правовых нормах объективно остается основанием для сомнений и поводом для дискуссий. Вместе с тем юридическое определение границы частной и общественной жизни критически необходимо для того, чтобы достичь общественного консенсуса по поводу необходимости легитимации практического применения мер защиты сферы приватности и зафиксировать этот консенсус.

Одним из базисных оснований для достижения такого консенсуса могли бы стать идеи И. Альтмана об установке границ второго типа с использованием поведенческих механизмов. Альтман приводит веские доводы в пользу тезиса, что поведенческие механизмы позволяют понять, как большинство людей на практическом уровне очерчивают свои личные границы и защищают свою частную жизнь. Он утверждает (и здесь трудно с ним не согласиться), что конфиденциальность достигается за счет «процесса выстраивания на уровне поведения межличностных границ, посредством которого человек или группа регулируют взаимодействие с другими» [3, с. 6]. Альтман определяет, что это «динамический процесс осуществления избирательного контроля над собственными границами» [3, с. 8]. Хотя Альтман анализирует межличностное взаимодействие в физическом мире, этот подход может быть релевантным для регулирования конфиденциальности и в цифровом пространстве. Альтман выделяет четыре поведенческих механизма, которые можно использовать для регулирования конфиденциальности: вербальные, невербальные, экологические и культурные механизмы.

1. Вербальные механизмы относятся к содержанию и структуре вербальной коммуникации, выступающей «основным средством социального взаимодействия». В частности, к вербальным можно отнести и тексты с просьбой не входить или таблички «не беспокоить», применяемые для охраны конфиденциальности клиентов отелей во всем мире. Этот механизм вполне

применим в цифровом пространстве, в котором большая часть коммуникации обеспечивается посредством передачи текстовых сообщений.

2. Невербальные механизмы подразумевают использование языка тела для установления границ конфиденциальности (этот механизм также легко применим в цифровом пространстве: в частности, аватары, смайлы и эмодзи стали неотъемлемой частью визуальной среды Интернета).

3. «Экологическая среда» — это одежда, которую индивидуум предпочитает носить, установление личного пространства посредством построения дизайна рабочего места и другие аспекты так называемого территориального поведения. Эти поведенческие механизмы также могут быть реализованы в цифровом мире, поскольку человек может выбрать, например, опубликовать ли ему изображения профиля, создавать ли аватары и устанавливать свои собственные территориальные границы, посредством создания индивидуализированных цифровых пространств (таких как профили или учетные записи в социальных сетях) и ограничения доступа к ним для различных категорий пользователей.

4. Культурные механизмы — это стратегии управления конфиденциальностью в различных субкультурах. В разных культурах выработаны разные поведенческие механизмы для управления социальной доступностью людей по отношению друг к другу. Так, в деревенской общине частная жизнь семьи более проницаема для соседей, чем в расчерченном различными физическими границами пространстве города. Кроме того, существуют субкультуры, общественное сознание которых основано на предпосылке: благополучие группы — более значимая ценность, чем благополучие — и неприкосновенность — отдельного человека в группе. Действительно, в то время как «индивидуалистические культуры Запада утверждают, что личная неприкосновенность частной жизни необходима человеку для выражения его истинной индивидуальности», есть и культуры, в которых «индивидуальность обнаруживается

и выражается вместе с другими людьми, а не в одиночку в каком-то автономном пространстве» и личная конфиденциальность не играет в контексте общего блага никакой роли [3, с. 26—29]. При этом то, что частной жизни придается меньшее значение, нежели групповым интересам, автоматически не означает отрицания права личности.

Таким образом, идеи Альтмана о культурно обусловленных поведенческих механизмах защиты конфиденциальности могут применяться в цифровом пространстве, но с учетом определенных культурных ограничений. Кроме того, значение этих механизмов возрастает на фоне того, как традиционные общества с развитием технологий становятся более уязвимыми для западного влияния, поэтому по мере проникновения процессов четвертой промышленной революции в различные культуры идея о неприкосновенности частной жизни также эволюционирует. На наш взгляд, в контексте цифрового пространства может возникнуть тенденция к рассмотрению его в качестве одного гомогенного социального пространства, и экстраполяция западных подходов к контролю поведения может не учитывать культурные нюансы.

В совокупности четыре поведенческих механизма Альтмана позволяют человеку достигать желаемого уровня конфиденциальности, контролировать границу между собой и другими, руководствуясь укоренившимися культурными нормами. Хотя описанные Альтманом поведенческие механизмы служат самозащитой частного пространства, наличие личных границ как реально существующих и охраняемых человеком облегчает поиск социального консенсуса по поводу содержания соответствующих норм правового регулирования этой сферы. Если общество признаёт, что человек предпринял усилия для обеспечения конфиденциальности и усилия эти обществу следует уважать, то потребность в разработке чрезмерно широкой и строгой системы регулирования посредством кодификации нормативных правил в значительной степени снизится.

Выводы

Наличие и признание на социальном уровне права на самозащиту облегчает поиск социального консенсуса и кодификации соответствующих норм, но не умаляет значения такого поиска. В частности, в пользу необходимости узаконения границ приватности говорит одно из очевидных ограничений поведенческих механизмов: без этого недобросовестные субъекты, желающие нарушить чужие границы, интерпретировали бы бездействие людей как их согласие на вторжение в частную жизнь. Есть очевидная разница между незнанием человеком того, что ему нужно установить барьеры конфиденциальности, чтобы сигнализировать о желании ее защитить, и сознательным решением не устанавливать эти барьеры. Однако открытый аккаунт с личными фотографиями пользователя не позволяет однозначно решить, хочет человек публичности или просто забыл (не догадался) установить соответствующие барьеры. Кроме того, неподготовленные, недееспособные участники интернет-отношений (например, дети, пожилые люди и др.) не в состоянии ни сделать осознанный выбор, ни действовать для защиты своего личного пространства. Понимание этого обстоятельства приводит к тому, что во многих государствах предпринимаются особые меры, специально направленные на поддержку и защиту прав детей в информационном обществе.

Если говорить о применении концепции Альтмана в качестве одного из оснований для установления содержания и механизма правового регулирования, то базовой презумпцией соответствующего раздела кодекса норм могло бы стать вменение в обязанность дееспособным пользователям Интернета очерчивать барьеры своей приватности; при этом другие субъекты должны видеть эти барьеры и соблюдать их. Таким образом, роль механизмов закона состояла бы в том, чтобы обеспечить граждан средствами правовой защиты в случае нарушения индивидуальных барьеров.

В ряде стран такой подход уже реализован: правовые системы защиты персональных

данных предусматривают, что субъект данных может возбудить гражданский иск против ответственной стороны или регулирующего органа и что санкции могут применяться независимо от наличия злого умысла, халатности или неосторожности ответственной стороны. Примечательно, что в своей защите ответственная сторона может ссылаться на вину со стороны истца, что указывает на применимость поведенческого подхода Альтмана: наличие вины правонарушителя не снимает с самого человека ответственности за сохранение неприкосновенности своей частной жизни.

Список литературы и источников

1. Информационная культура личности: понятие и содержание // Противодействие идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет: междисциплинарный анализ: коллективная монография / под общ. ред. А. А. Лицука. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. § 1. С. 37—44. EDN: ZKJUTV.
2. *Самыгин С. И., Верещagina А. В.* Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации третьего тысячелетия // *European Social Science Journal*. 2014. № 6-2 (45). С. 60—66. EDN: TIGROP.
3. *Altman I.* *The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, Crowding*. Salt Lake City: Brooks/Cole Publ., 1975. 256 p.
4. *Neethling J.* The concept of privacy in South African law: notes // *South African Law Journal*. 2005. Vol. 122. No. 1. P. 18—28.

References

1. "Personal Information Culture: Concept and Content". *Protivodeystviye ideyam ekstremizma i terrorizma v seti Internet: mezhdistsiplinarnyy analiz*, joint monograph. Gen. ed. A. A. Litsuk. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Univ. Publ., 2017. Par. 1. 37—44. (In Russian). EDN: ZKJUTV.
2. Samygin S. I., Vereshchagina A. V. "Global Challenges of the Present and Safety of the Civilization of the Third Millennium". *European Social Science Journal* 6-2 (45) (2014): 60—66. (In Russian). EDN: TIGROP.
3. Altman Irwin. *The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, Crowding*. Salt Lake City: Brooks/Cole Publ., 1975. 256 p.

4. Neethling J. “The Concept of Privacy in South African Law: Notes”. *South African Law Journal* 122.1 (2005): 18—28.

Информация об авторе

Самохина Наталья Николаевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций и туризма, Нижневартровский государственный университет (Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б).

Information about the author

Natalia N. Samokhina — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Mass Communications and Tourism, Nizhnevartovsk State University (Russia, 628605, Khanty-Mansiysk autonomous okrug — Yugra, Nizhnevartovsk, Mira str., 3b).

Статья поступила в редакцию: 16.03.2023.

The article was submitted 16.03.2023.